

ББК 63.3(2)6:60.524.258.5

М. И. Мирошниченко

**«ЗЛОСТНЫЕ ЛИЦА» ЖЕНСКОГО ПОЛА:
БОРЬБА С ПРОСТИТУЦИЕЙ В СВЕТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
РЕВОЛЮЦИОННОГО САМОСОЗНАНИЯ В 1920—1922 гг.
(По материалам Урала)**

Проституция относится к тем нелюбимым социальным явлениям, наличие которых отрицалось, а изучение было табуировано для советских историков с 1940-х гг., но которые, тем не менее, продолжали существовать на протяжении всего советского периода [14, с. 330]. В настоящее время опасность для общества последствий развития проституции как социального порока усиливается в связи с тем, что данная среда является распространителем синдрома пониженного иммунодефицита. Все это актуализирует изучение избранной темы.

Основное внимание исследователей 1920-х гг. было обращено на состояние проституции в Москве и близлежащих фабричных городах, в Петрограде, Прибалтике, Украине [5, с. 5—9; 8; 10; 16; 21, с. 103; 41, с. 258]. Л. М. Василевский упоминает о тяжелой сцене, которую он наблюдал в голодном Приуралье, — «девушка-полуробеночек со слезами и мольбой предлагает себя буквально за кусок хлеба» [6, с. 69]. А. Я. Гуткин характеризует общие задачи в борьбе с проституцией [15].

Со второй половины 1980-х гг. в связи со снятием табу на изучение социальных пороков в свете проводимой в рамках перестройки политики гласности исследование проституции вновь активизировалось. Появляются специальные исследования о проституции [3, 12, 23, 37], в том числе в различных регионах страны в изучаемый период [22, 26, 36]. В рамках обращения к истории повседневности освещаются отдельные аспекты борьбы с проституцией на Урале [2, 4, 27, 28, 42, 45, 47].

Работа по борьбе с проституцией начиналась со стороны советских административных органов по мере окончательного установления советской власти в регионах [7, 43]. В ноябре 1919 г. при Народном комиссариате социального обеспечения был организован подотдел по борьбе с проституцией. При нем функционировала Междуведомственная комиссия по борьбе с проституцией, в которую входили представители народных комиссариатов здравоохранения, социального обеспечения, просвещения, юстиции, внутренних дел, а также Центрального совета профессиональных союзов, Отдела по работе среди женщин при ЦК РКП(б) и ЦК Коммунистического союза молодежи [25]. В состав этой Междуведомственной комиссии была включена и Н. К. Крупская [42,

с. 90]. Нормативно-правовая база к 1920 г. еще не была создана. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», принятые 12 декабря 1919 г., не содержали норм в отношении проституции [39].

Помимо проституток, работавших в лицензированных публичных домах, в царской России были проститутки-одиночки, которые договаривались с клиентами в театрах, клубах, кафе-шантанах, ресторанах, банях, садах («зеленые» проститутки), танцевальных залах или прямо на улице (в том числе «скамеечные» проститутки) [41, с. 259]. Именно этот вид проституции стал возрождаться в первую очередь. Одиночная проституция особенно сложно поддавалась учету.

В конце 1919 г. в Междуведомственной комиссии по борьбе с проституцией при Народном комиссариате социального обеспечения были выработаны первые «Тезисы по борьбе с проституцией». В них утверждалось, что проституция будет исчезать по мере становления коммунистических основ хозяйства и общежития. Считалось, что женщина-проститутка становится объектом непосредственного воздействия преимущественно лечебно-воспитательного характера лишь потому, что она является элементом, отошедшим от участия в производительном труде. На этом зиждилось и отрицание специфических мер борьбы с проституцией. По отношению к трудящимся женщинам, для которых проституция являлась подсобным промыслом, считалось допустимым лишь применение общих мер социального, экономического и просветительского воздействия, и прежде всего усиленной агитационно-пропагандистской деятельности. Основные конкретные направления работы по борьбе с проституцией предполагали создание для беженок и бывших проституток трудовых колоний, распределителей, профессиональных школ, мастерских и земледельческих коммун. Провозглашался лозунг «Коммунизм — могила проституции» [42, с. 88]. Циркуляр был разослан по местным губернским отделам социального обеспечения (губсобесам). Административная работа в губерниях давала свои результаты, выявлялись пункты распространения проституции, фиксируемые в отчетах как «притоны разврата». Так, в г. Троицке в 1920 г. был обнаружен притон, располагавшийся в саманной избе в Малышевском переулке [34, л. 1 об.].

В 1920 г. Междуведомственной комиссией был разработан и также разослан по губсобесам новый циркуляр «О мерах по борьбе с проституцией», известный как циркуляр № 93 (комиссия к весне 1922 г. прекратила свою деятельность) [13, с. 78]. Этот документ за подписью народного комиссара социального обеспечения А. Н. Винокурова и заведующего подотделом по борьбе с проституцией И. Г. Гельмана до октября 1920 г. через губернские комитеты РКП(б) и губернские исполнительные комитеты Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов был разослан во все губернские и уездные женотделы Екатеринбургской, Пермской, Челябинской и Уфимской губерний. 8 октября 1920 г. с сопроводительным письмом за подписью Никеровой он был разослан еще раз. Его получил вторично Пермский женотдел, женотдел в Троицке и др. Начинался циркуляр № 93 анализом корней проституции, факторов ее распространения в советское время, затем характеризовались формы проституции (профессиональная и подсобная), намечались меры

профилактического характера. Такими мерами в первую очередь являлись совместная с женотделами РКП(б) просветительская работа с целью разъяснить униженное положение женщин, занимающихся проституцией, проводимая совместно с органами Наркомздрава санитарно-просветительская деятельность среди трудящихся по разъяснению роли проституции в распространении венерических заболеваний и их губительных последствий для здоровья. Декларировалось, что, борясь с проституцией, государство вовсе не ставит цель вторгаться в сферу половых отношений, где всякое принудительное регулярное воздействие приведет только к искажению и извращению полового самоопределения свободных и экономически независимых граждан. Понятия «женщины-проститутки» и «проституирующие женщины» употреблялись синонимично, хотя и была предпринята попытка отделить профессиональных проституток от женщин, занимающихся подсобной проституцией. Согласно этому документу проституирующих женщин, «случайно улавливаемых» агентами общей милиции, следовало направлять (наряду с нищенствующими, спекулирующими, беспомощными и т. п.) в центральные распределители, где их должны были подвергнуть общему социальному, психологическому и медицинскому обследованию. Те из них, которые нуждались в лечебно-воспитательном воздействии для вовлечения в трудовую жизнь, препровождались в специальные учреждения общего типа (трудовые колонии и т. п.), а инвалиды — в инвалидные дома. Те женщины, которые являлись злостными дезертирами труда, направлялись в местные комитеты по проведению трудовой повинности (комтруды) для привлечения в трудовую жизнь в порядке общего воздействия. (На основании декрета СНК от 29 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности» все трудоспособное население, независимо от постоянной работы, привлекалось к выполнению различных трудовых заданий.) Специально оговаривалось, что направление первой категории женщин в трудовые колонии могло носить только добровольный, а не принудительный характер. Характерно, что в число факторов распространения проституции пока еще включалось «укоренившееся веками сознание половой безответственности мужчин» [31, л. 27, 35—35 об.].

Во исполнение циркуляра № 93 на Урале в 1920 г. началась работа по организации губернских комиссий по борьбе с проституцией и просветительская работа [27, с. 488; 32, л. 44]. Положения циркуляра № 93 легли в основу содержания лекций о борьбе с проституцией, которые читались перед женщинами Урала на делегатских и общих собраниях в конце 1920 — начале 1921 г. [32, л. 13—13 об.; 43, с. 94]. Отношение к ним было неоднозначным. Ряд женщин из наиболее образованных слоев (телефонистки, телеграфистки) были шокированы подобной тематикой, воспринимая тезисы лекций как дурной тон. Об этом, в частности, свидетельствует выступление сотрудницы уездно-губернского отделения народной связи Стародубцевой в январе 1921 г., с возмущением заявлявшей, что такие лекции, как о проституции, даже слушать неприлично [32, л. 13—13 об.].

Агитационно-пропагандистская работа стала давать свои порой неожиданные результаты. Несмотря на содержащееся в циркуляре № 93 предостережение о том, что борьба с проституцией не должна подменяться борьбой с проститутками, в практической работе это положение нередко не соблюдалось.

При отсутствии законодательных норм, точного определения понятия «проституция» границы между непрофессиональной проституцией и незаконным сожительством размывались. Согласно указам «сверху» в рамках начинавшихся кампаний на местах стали искать проституток. Обо всех обнаруженных случаях занятия проституцией сообщалось начальнику милиции [31, л. 35]. Уже с января 1921 г. в суды в массовом порядке стали поступать дела о «злостных лицах» женского пола. Термин «проституция» на местах зачастую был непонятен. Об этом свидетельствует как его искажение в документах («проиституца», «приституция» [31, л. 31, 37]), так и то обстоятельство, что множество женщин, привлеченных к ответственности как проститутки, в этот период таковыми в сущности не являлись.

Так, в марте 1921 г. в селе Черноярском Воскресенской волости Челябинского уезда на основе донесения Черноярского сельсовета проводилось подробное дознание по поведению гражданки М. М. П. (31 год, сын 12 лет, дочь 11 лет). Было опрошено четверо свидетелей-мужчин, трое из которых, включая председателя сельсовета, никаких доводов, кроме утверждения о том, что «гражданка нашего села М. М. П. занимается проституцией и развращает деревенскую молодежь», привести не могли [31, л. 37]. Характерным является дело, открытое в 1921 г. в селе Таловском Таловской волости Челябинской губернии на основе заявления бывшего секретаря Таловского волисполкома, по обвинению гражданки К. С. в том, что она открыто занимается проституцией. В доказательство констатировалось, что к ней постоянно ездит гражданин С. П., имеющий 5 малолетних детей, который все, совместно приобретенное со своей законной женой А. П., увозит своей содержанке [31, л. 32, 36]. Отрывочный характер информации не дает оснований судить, кто скрывается за таким заявлением: отвергнутый любовник или просто отвергнутый мужчина, ревнивый соперник или родственник А. П., или, возможно, законопослушный рьяный боец за чистоту нравов. Вероятно, последнее, т. к. далее следует: «У гражданки Т. нередко собираются штук 5 женщин легкого поведения и устраивают оргии, продолжающиеся по всем ночам, и едут в лес на пикник. Трудовая повинность на этих проститутках не распространяется. В то время, когда рабочий города получает 5 фунтов паек, люди бесятся от жиру впадая в самую капиталистическую приституцию. Прошу собез принять меры» [31, л. 31]. 30 марта 1921 г. была проведена работа по заявлению, поступившему в отделение милиции Шаламовской волости 7-го района Челябинского уезда, от некоего Ч. на свою сноху Е. М. Ч. (29 лет, 4 детей). Ее муж (его сын) «помер в Красной Армии». Е. М. Ч. привела к себе восемнадцатилетнего Н. У., оставив его ночевать. В комнате, кроме свекра, снохи, ее детей и ее гостя, спала еще и родственница снохи. Главной уликой в деле стал кусок от полы полушубка Н. У., который был отрезан в 12 часов ночи во время совершения гостем полового акта со снохой. Е. М. Ч. была препровождена в волисполком с заявлением свекра, протоколом милиции и упомянутым лоскутом, а затем направлена в концентрационный лагерь [31, л. 45, 48—49].

Непонимание сущности проституции из-за необразованности, низкого культурного уровня исполнителей порождало смутность представлений. Играли свою роль условность грани между проституцией и развратом в обыденном

сознании, неопределенность понятия проституции при отсутствии нормативно-правовой базы после отмены регламентации и закрытия домов терпимости. Тонкой была также грань между профессиональной и частой подсобной проституцией. Под кампанию борьбы с проституцией попадали вдовы-красноармейки и красноармейки, которые встречались с мужчинами, заводили себе любовников, в то время как их мужья служили в Красной Армии. Материалы об этих женщинах передавались также и в губернскую комиссию по борьбе с проституцией «на разбирательство» [31, л. 34, 44].

В ряде населенных пунктов под видом общих собраний граждан проводились собрания мужчин, принимавших вид судилищ и фактически представлявших собой расправу по личным мотивам над неугодными женщинами санкционируемым способом. Так, народный суд 2-го участка Челябинского уезда 17 января 1921 г. рассмотрел дело по обвинению в проституции гражданки А. П. Б., жительницы поселка Батуриновское. Заявление поступило от ее мужа М. П. Б. и было скорее всего написано под диктовку свекра или свекрови (так как в заявлении вместо слова «жена» фигурируют слова «сноха его») [31, л. 28]. Заведению уголовного дела и передаче его в суд предшествовало общее собрание жителей поселка Батуриновское 8 января 1921 г. под председательством С. М. Петрова, на котором присутствовало 35 человек (все — мужчины, из них 11 человек имели фамилию Б.). В его повестку дня был вынесен один вопрос — «О поведении гражданки А. П. Б. и мужа ее М. П. Б.». В протоколе собрания отмечалось: «Гражданин М. П. Б. безукоризненного поведения, а сноха его А. Б. со дня ухода ее мужа... в Красную Армию в доме своем допускала банкетство с солдатами и другими лицами, каковые поселковый совет неоднократно разгонял и даже наказывал ее принудительными работами, несмотря на все это она ведоть (ведет. — М. М.) себя по сей время одинаково» [31, л. 29]. Дело было направлено в народный суд.

С марта 1921 г. в Советской России была введена новая экономическая политика. В ее рамках происходили легализация и возрождение рыночных отношений. Поскольку постоянно сохранялись факторы, формирующие спрос: половые потребности мужчин, скопления мужчин без женщин в местах дислокации армий [18, 19], трудовых армий, в концентрационных лагерях и др., постольку объективно не могло не усилиться и предложение. Стихийный рынок интимных услуг в мирных условиях при легализации рыночных отношений в рамках нэпа постоянно расширялся. Голод вызывал увеличение предложения женского тела и падение цены, вследствие чего катастрофический рост проституции был неизбежен. Он оказался неожиданным для представителей новой власти, многие из которых полагали, что с исчезновением эксплуатации исчезнет и проституция, ведь практика 1918—1919 гг., казалось, подтверждала это положение. В условиях Гражданской войны летние военные лагеря и крупные ярмарки (Тюменская и др.), жилые дома с прислугой, портерные и ночлежные дома прекратили свое существование. При нэпе, однако, стали возрождаться также выступавшие традиционно в царской России очагами распространения проституции рестораны, кафетерии, трактиры, гостиницы, постоянные дворы и другие схожие заведения [2; 20, с. 41, 45—46, 50, 52]. Демобилизация Красной Армии породила скопление бессрочноотпускных красноармейцев, возвра-

щающихся по домам. Для их размещения во всех крупных населенных пунктах, расположенных по основным маршрутам следования, создавались сборно-пересыльные пункты, карантинные, временные помещения для ночлега и отдыха, временные общежития и т. д. [30, с. 316]. Возрождались транспортная проституция. Транспортная проститутка была самой забитой, опустившейся и голодной женщиной. Группа транспортных проституток разделялась на разъездных (в поездах) и вокзальных [1, с. 48].

Сведения о проституции в марте 1921 г. собирались на Урале по волостям органами милиции, а также уездными отделами социального обеспечения и женотделами [35, л. 49]. В марте 1921 г. во все волости пришло предписание доложить о состоянии проституции. Сбор необходимой информации был поручен волостным организаторам по работе среди женщин. Характерен ответ, который поступил из Русско-Теченского волкома РКП Каменского уезда Екатеринбургской губернии: «...сообщаем, что во всех организациях поведение товарищей пока благоприятное, а в населенных до некоторой степени ощущается в поведении гражданок слабость. Но в предусмотрении волисполкома за разгульное поведение привлекаются к наряду без очереди, и благодаря этому встречается небольшой процент» [35, л. 51]. Это матрица, отражающая восприятие борьбы с проституцией в сознании партийцев начала 1920-х гг. Типичные ее черты — обращенность внимания внутрь организации, смешение проституирования с разгульным поведением в целом, ориентация на административные карательные меры.

В 1921 г. на Урале в Челябинской и Пермской губерниях были созданы губернские комиссии по борьбе с проституцией. 10 марта 1921 г. в Челябинске состоялось первое организационное заседание такой комиссии. В представлении работников комиссии женщины четко разделялись на две категории: профессиональные проститутки, сделавшие проституцию основным родом занятий, их предполагалось помещать в специальный концентрационный лагерь (наличие такого лагеря выяснялось через исполком), а также беспризорные женщины, еще не перешедшие черту профессиональной проституции. Было принято решение для таких женщин оборудовать в кратчайшие сроки Дом временного пребывания для беспризорных женщин, не имеющих приюта. Несколько женщин-работниц были направлены на станцию Челябинск для проведения разъяснительной работы среди проезжающих женщин, а также выявления «злостных лиц», занимающихся проституцией, с целью препровождения их в «специальные учреждения». Комиссия собиралась первоначально два раза в месяц для обсуждения директив, состояния работы, выработки плана [27, с. 487; 42, с. 93—94], с мая 1921 г. — один раз в месяц [31, л. 21]. Ею было подготовлено и разослано 6 мая 1921 г. циркулярное письмо об организации комиссий по борьбе с проституцией в уездах. 27 июня 1921 г. было послано еще одно циркулярное письмо, в котором отмечалось, что за последнее время с мест не поступало никаких сведений ни об организации, ни о работе таковых комиссий, из чего делался вывод о том, что работа совершенно не ведется или ведется очень слабо. Предлагалось вновь сообщить об организации комиссий и их составе, о проделанной работе, установить месячную отчетность. Очередное заседание комиссии должно было состояться 30 июня 1921 г. в 18-00 в доме

№ 69, расположенном по улице имени Карла Маркса. В состав Челябинской губернской комиссии по борьбе с проституцией входило 7 человек: от губернского отдела народного образования — Рудакова (вместо назначенной ранее Вержбицкой), от Союза молодежи — Гольмон, от отдела охраны труда — Комельков, от женотдела — Бленкфейд, от губернского совета профессиональных союзов — Корнилаев, от губернского отдела юстиции была намечена кандидатура Бжарко, от союза врачей первоначально была намечена Таубер, затем введена Торбакова [31, л. 22]. В Челябинской губернии информация о проституирующих женщинах поступала в комиссии по борьбе с проституцией разного уровня от агентов. Была предпринята попытка создать комиссии по борьбе с проституцией в рамках делегатских собраний. Были выделены женщины-делегатки — агенты таких комиссий. Они выходили на улицы, на вокзалы и выявляли женщин, девушек, занимающихся проституцией, затем сообщали в районные и городские женские отделы.

21 июля 1921 г. вопрос о борьбе с проституцией рассматривался (вторым после доклада по истории рабочего движения) на общегородском делегатском собрании женщин г. Челябинска. Делегатка рассказала о работе агента делегатской комиссии по борьбе с проституцией Кондаковой, отметила, что работа идет очень трудно, администрация, губком РКП(б) относятся пассивно и несколько не помогают. «Налет если берет женщину без всяких документов, уже видно, что определенная испорчена, а большинство 16—15 лет вовсе молодых женщин губится» [33, л. 98—98 об.]. Выявлять проституирующих женщин предполагалось в том числе при дезинфекционных работах. Но связь с дезинфекторами не была налажена. Предложение Челябинской губернской комиссии по борьбе с проституцией выявлять бездокументных женщин и направлять их на обследование осталось на бумаге. Принудительное медицинское обследование проституток было запрещено [27, с. 487]. Вносится новое предложение: договориться с комиссией по борьбе с проституцией, чтобы она чаще требовала отчеты от агентов, и работать с бездокументными женщинами, выявленными при дезинфекции [33, л. 98—98 об.].

На очередном заседании Челябинской губернской комиссии по борьбе с проституцией, состоявшемся 30 июня 1921 г., присутствовали лишь 4 человека (Корнилаев, Рудакова, Торбакова и Розенгауз от женотдела, вместо Блейнкфейд). Обсуждался вопрос о венерической больнице, для которой подыскивалось помещение. По результатам поиска было решено послать запрос в уисполком. После обсуждения вопроса о положении Дома временного пребывания для женщин (на улице Труда) была создана комиссия в составе Торбаковой, представителей от санитарной инспекции и отдела социального обеспечения для обследования состояния Дома. Часть помещаемых в Дом временного пребывания женщин имели детей, поэтому встал вопрос о приеме этих детей в детские дома, который решался через отдел народного образования. Отметив слабую связь с губкомами, уездкомами и месткомами, члены комиссии обсудили работу по организации цикла лекций о борьбе с проституцией в уездах. В уездные комиссии по борьбе с проституцией были разосланы разработанные конспекты лекций с тем, чтобы в уездах приступили к организации цикла и привлечению слушательниц. Было решено просить отдел социального обеспе-

чения выделить одного из работников в качестве технического секретаря, а заседания устраивать 1 раз в неделю [31, л. 23—23 об.]. Рассматривался также вопрос о работе на волостном уровне, о мерах просветительско-воспитательной работы для волостных комиссий по борьбе с проституцией. Как частую причину распространения проституции называли «низкий уровень развития понятий полового вопроса», поэтому ставилась цель разъяснить унижительность проституции, ее роль в распространении венерических заболеваний и их последствия. Волостных организаторов по работе среди женщин обязывали следить за тем, чтобы на поселковых собраниях женщин конкретно освещался данный вопрос. Предлагалось силами отдела народного образования, комиссии по борьбе с проституцией, волостной ячейки РКП (б), учительства и медицинского персонала провести также цикл лекций среди юношества в комсомольских организациях и школах 2-й ступени. В 1921 г. в Челябинске, вероятнее всего в июле, в клубе «Спартак» в 20-00 состоялась лекция-спектакль «Семья и брак в Советской России». Вход был свободным. Листовки-объявления об этом мероприятии были развешены по всему городу [31, л. 50]. В июне 1921 г. в женотдел Пермского губкома РКП (б) направляется для ознакомления с его деятельностью, в том числе и работой по борьбе с проституцией, товарищ Подобед из женотдела Челябинского губкома РКП (б) [31, л. 25].

В Оренбурге в местной прессе регулярно публиковались сведения о количестве обнаруженных «притонов разврата» и их обитательниц. Только с июля по декабрь 1921 г. оренбургской милицией было выявлено 58 домов терпимости и зарегистрировано 137 проституток [42, с. 87—88]. В Башкирии комиссия по борьбе с проституцией существовала при Наркомздраве республики. Однако, по данным И. Г. Сытник, в отчетах о ее деятельности отмечалось, что она оказалась совершенно неработоспособна: вся работа комиссии выразилась в организации санитарных судов, осуждающих венерические болезни, и в проведении двух-трех заседаний, которые, по сути, так и не вынесли скольконибудь действенных решений [42, с. 93].

Быстрому развитию проституции в Екатеринбурге и губернии способствовал стремительный рост числа частных заведений (кафе, ресторанов и т. д.), особенно с азартными играми (лото, бикс, рулет, карты и др.) [29, с. 11]. В Екатеринбургской губернии комиссия по борьбе с проституцией при губернском отделе работниц также была создана в 1921 г. Ее деятельность первоначально была направлена на организацию общественных работ и женских артелей. Попытки создать женские артели зимой 1921/22 г. не увенчались успехом из-за отсутствия денежных средств, сырья, заказов [38, л. 62—62 об.]. Вероятно, к апрелю 1922 г. работа комиссии была фактически приостановлена. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что подобная комиссия не указана в списке постоянных и временных комиссий при губернском совете профессиональных союзов или вне его, но с представителями последнего [11, с. 47—50].

К концу 1921 г. Междуведомственной комиссией были опубликованы новые «Тезисы по борьбе с проституцией» [24, с. 53—56]. Продолжение массового голода на Урале в начале 1922 г. определило ее дальнейший резкий рост. «Прямая угроза смерти от голода стала толкать сотни девушек и девочек в объятия проституции», — отмечали Л. А. Василевская и Л. М. Василевский [6,

с. 69]. Весной 1922 г. в губернские женотделы Урала поступили на обсуждение тексты докладов отдела социального обеспечения к X Всероссийскому съезду Советов, к 8 Марта. «По вопросу о борьбе с нищенством и проституцией, — отмечалось в них, — говорить много не приходится, так как в этой области пока ничего не сделано, не сделано не потому, что не хотели, а потому, что не представлялось возможным, ибо сложившиеся экономические условия не позволяли не только развернуть работу во всей ее широте, но даже и приступить к таковой не могли. В настоящее время создана на этот предмет комиссия, которая и будет вести работу в этой области при женотделе под руководством подотдела учреждений социального обеспечения собеза» [9, л. 402]. 1 июня 1922 г. вошел в силу Уголовный кодекс РСФСР, введивший нормы ответственности за содержание притонов разврата, сводничество и за вербовку женщин для разврата [17, с. 143]. Это стало началом следующего этапа по борьбе с проституцией в регионах.

Таким образом, в исследуемый период проституция нормативно еще не признавалась одним из видов антиобщественной деятельности (как это будет сделано в 1935 г.). Рост женской безработицы по мере введения нэпа усиливал опасность «впадения в проституцию». Группу риска составляли в первую очередь так называемые «бездokumentные женщины», девушки и молодые женщины, не имеющие профессии, а также лишившиеся работы в связи с увольнениями женщины, имеющие детей. Центрами стягивания и распространения проституции становились места большого скопления мужчин, оставшихся без женщин, главными очагами проституции выступали крупные города. Значительная масса беспризорных женщин, не имеющих средств к существованию, неделями жили на вокзалах без денег, хлеба, крова, именно эта категория была особенно склонна к проституции. Возрождались «голодная» проституция, железнодорожная, «зеленая» и уличная, в том числе «скамеечная». Первоначально предпринимаемые меры административного характера (облавы, задержания, принудительные осмотры) постепенно сменялись профилактическими, в первую очередь агитационно-просветительскими. Вместо направления в суды и затем в концентрационные лагеря проститутки стали отправлять обратно в женотделы. Однако наблюдение со стороны органов милиции за ситуацией в сфере функционирования притонов разврата сохранялось.

Библиографический список

1. *Атьков О. Ю., Цфасман А. З.* К истории железнодорожной медицины. URL: <http://www.centralmed.ru/files/centralmed/history.pdf> (дата обращения: 03.09.2010).
2. *Белов С.* Проституция в г. Тюмени (XVII в. — 1920-е гг.): постановка проблемы. Тюмень : б. и., 2009 // Тюменская история. URL: http://www.liveinternet.ru/users/2807150/post93861404/#_edn32 (дата обращения: 31.10.2010).
3. *Бордюгов Г. А.* Социальный паразитизм или социальные аномалии? : (из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20—30-е гг.) // История СССР. 1989. № 1. С. 60—73.
4. *Бравина М. А.* Повседневная жизнь Симбирска в условиях революции и Гражданской войны (1917—1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2008. 24 с.

5. *Броннер В. М., Елистратов А. И.* Проституция в России : проституция в России до 1917 г. Борьба с проституцией в РСФСР. М. : Изд-во Наркомздрава, 1927. 108 с.
6. *Василевская Л. А., Василевский Л. М.* Проституция и новая Россия. Тверь : Октябрь, 1923. 84 с.
7. Воззвание к населению г. Шадринска начальника гарнизона Ж. Звонярского и военного комиссара А. Коляго с призывом искоренения пьянства и разврата (август 1919 г.) // *Общество и власть : российская провинция, 1917—1985 : Свердловская область : документы и материалы / гл. ред. В. В. Алексеев ; сост. Е. Ю. Баранов, Е. В. Вертилецкая, С. В. Воробьев и др.* Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. Т. 1 : 1917—1941. С. 202—203.
8. *Гальперин С. Е.* Проституция в прошлом и настоящем. М. : Охрана материнства и младенчества, 1928. 40 с.
9. Государственный архив Пермского края. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 1999.
10. *Гельман И.* Половая жизнь современной молодежи : опыт социально-биологического обследования. М. ; Пг. : Госиздат, 1923. 150 с.
11. Год работы профсоюзов Екатеринбургской губернии : (отчет Губпрофсовета III губ. съезду профсоюзов за период с 18. III-21 г. по 07.V-22 г.) / Екатеринбург. губ. совет проф. союзов. Екатеринбург : Гранит, 1922. 192 с.
12. *Голод С. И.* Проституция: возникновение, эволюция и современное состояние // *Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями : сб. ст. / отв. ред. Б. М. Левин.* М. : Ин-т социологии, 1988. С. 136—149.
13. *Голосенко И. А. Голод С. И.* Социологические исследования проституции в России : (история и современное состояние вопроса). СПб. : Петрополис, 1998. 123 с.
14. *Горфин Д. В.* Проституция // *Большая сов. энцикл. / гл. ред. О. Ю. Шмидт.* М. : ОГИЗ РСФСР, 1940. Т. 47. С. 330—336.
15. *Гуткин А. Я.* Задачи современного общества в борьбе с проституцией / Оренбургский губернский совет по борьбе с проституцией. Оренбург, 1924. 38 с.
16. *Жижиленко А. А., Оршанский Л. Г.* Половые преступления / под ред. Л. Г. Оршанского, А. А. Жижиленко, И. Я. Дерзибашева. Л. : Рабочий суд, 1927. 112 с.
17. *Игнатов А. Н.* Проблемы правовой борьбы с проституцией // *Проституция и преступность.* М. : Юрид. лит., 1991. С. 139—148.
18. Из двухнедельной информсводки Киевского губчека с 15 по 31 октября 1920 г. URL: <http://ecsocman.edu.ru/data/984/671/1219/006.Prilozhenie.pdf> (дата обращения: 31.10.2010).
19. Из письма № 850 Л. Д. Троцкого «Больше равенства», направленного Реввоенсоветам фронтов, армий и всем ответственным работникам Красной Армии и Красного Флота, 31 окт. 1920 г. URL: <http://ecsocman.edu.ru/data/984/671/1219/006.Prilozhenie.pdf> (дата обращения: 31.10.2010).
20. *Калачев Б. Ф.* Взгляд на проблему через... столетие // *Проституция и преступность.* М. : Юрид. лит., 1991. С. 36—54.
21. *Каплун С. И.* Современные проблемы женского труда и быта. 2-е изд. М. : Вопр. труда, 1925. 120 с.
22. *Кулинич Н. Г.* Дальневосточные города в 1920—1930-е гг.: «пережитки прошлого» в жизни населения // *Новый ист. вестн.* 2009. № 2 (20). URL: http://www.nivestnik.ru/2009_2/07.shtml (дата обращения: 02.11.2010).
23. *Лебина Н. Б., Шкаровский М. В.* Проституция в Петербурге (40-е годы XIX в. — 40-е годы XX в.). М. : Прогресс-Академия, 1994. 224 с.
24. *Лебина Н. Б.* Эра милосердия? : надежды и крах советской благотворительности // *Родина : рос. ист. ил. журн.* 2010. № 3. С. 53—56.

25. Материалы Междуведомственной комиссии по борьбе с проституцией / РСФСР ; Нар. ком. соц. обеспечения ; Междувед. ком. по борьбе с проституцией. М. : Госиздат, 1921. Вып. 1. 16 с.
26. *Морозова Ю. А.* Участие женщин в политической жизни Республики Немцев Поволжья (1920-е годы) // Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9665/4.pdf> 968 (дата обращения: 31.10.2010).
27. *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе : будни населения Урала в 1917—1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 613 с.
28. *Нарский И. В.* «Комплекс мачо», продажная любовь и вкус человечины: гендерные составляющие выживания русской революции // Женская повседневность в России в XVIII—XX вв. : материалы Междунар. науч. конф., 25—26 сент. 2003 г. / отв. ред. П. П. Щербинин. Тамбов : Тамбов. гос. ун-т, 2003. URL: http://library.gender-ehu.org/hms/attach.php/t__articles.files/id__198/Narskij.pdf (дата обращения: 20.09.2009).
29. О разрешении частных заведений с неазартными играми : обяз. постановление Екатеринбург. губ. исполн. ком. Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 19 сент. 1922 г. № 119 // Сб. действующих обяз. постановлений Екатеринбург. губисполкома за 1923 г. Екатеринбург : Изд-во Екатеринбург. губ. исполн. ком. Советов, 1923. С. 11.
30. Об обеспечении санитарных условий для бессрочноотпускных красноармейцев, возвращающихся по своим домам : постановление Совета Труда и Оборона, 18 февр. 1921 г. // Становление и развитие здравоохранения в первые годы Советской власти, 1917—1924 гг. : сб. документов и материалов / сост. В. Додонов, Л. И. Завалищенко и др. М. : Медицина, 1966. С. 316—317.
31. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 412. Далее: ОГАЧО.
32. ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 425.
33. ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 426.
34. ОГАЧО. Ф. Р-422. Оп. 5. Д. 41.
35. ОГАЧО. Ф. Р-1103. Оп. 1. Д. 24.
36. *Панин С. Е.* Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы : (на материалах Пензенской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 19 с.
37. *Панин С. Е.* Борьба с проституцией в России в 1920-х годах // *Вопр. истории.* 2004. № 9. URL: <http://www.whghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.august-1914.ru%2Fpanin.pdf> (дата обращения: 04.11.2010).
38. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 175.
39. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР : постановление Народ. комиссариата юстиции Российской Федерации от 12 дек. 1919 г. Электрон. документооборот «Кодекс: Документооборот». URL: <http://www.kodeks-luks.ru/ciws/site?tid=63...> (дата обращения: 01.11.2010).
40. *Соколов А. К.* Повседневная жизнь советских людей, 1920-е годы // Социальная история : ежегодник, 1998/99. М. : РОССПЭН, 1999. С. 265—287.
41. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России : феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930 / пер. с англ. И. А. Школьниковой, О. В. Шныровой ; науч. ред. Б. Н. Миронов, О. В. Шнырова, И. И. Юкина. М. : РОССПЭН, 2004. 616 с.
42. *Сытник И. Г.* Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале: 1918—1930 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006. 194 с.

43. Уголовный розыск Южного Урала : годы, события, люди, 1918—2003 / авт.-сост. Д. В. Смирнов. Челябинск : Книга, 2003. 321 с.
44. Усманов Н. В. Американская помощь голодающим на Южном Урале в 1921—1923 гг. : документы госархивов Республики Башкортостан // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 48—54.
45. Хмелевская Ю. Ю. «Как в завоеванной стране»: американский опыт Первой мировой войны в битве с голодом в Советской России (1921—1923) // Опыт мировых войн в истории России : сб. ст. / редкол. : И. В. Нарский и др. Челябинск : Каменный пояс, 2007. С. 553—576.
46. Цеткин К. Ленин и трудящаяся женщина. Л. : Госиздат, 1927. 48 с.
47. Юнусова А. Б. Из истории борьбы с проституцией // Археография Южного Урала. Уфа : Китап, 2002. С. 200—202.

ББК 60.542.22

О. И. Курто

**МУЖСКОЙ МИР, МУЖСКИЕ ЦЕННОСТИ:
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ МУЖЧИН-СТАРАТЕЛЕЙ
«ЖЕЛТУГИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ» 1883—1886 гг.**

Основным отличием гендерной антропологии от антропологии классической является желание увидеть в любом историческом акторе человека определенного пола. Именно потому, что в старых публикациях по классической (или традиционной) антропологии описывался некий среднестатистический индивид, наделенный целым комплексом свойств, считавшихся «нормой», и индивид этот был, как правило, мужчиной, в последние годы резко выросло и продолжает расти число работ по «женской истории» и истории женской повседневности. Напротив, изучение истории и повседневности мужчин неожиданно оказалось в нашей гуманитаристике в арьергарде. «Мужской вопрос» остается все еще малоизученным и слабее проблематизированным, нежели «женский». И если, особенно начиная со второй половины XX в., число женщин-исследователей истории женщин стало активно расти, то исследователей «мужской истории» крайне мало.

Перед ученым открыт огромный простор для работы, позволяющий по-новому взглянуть на все уже изученные проблемы. Однако в данном тексте я обращусь к вопросу не только не изученному в гендерном плане, но и основательно забытому с исторической точки зрения. Тема его — Желтугинская республика, история союза мужчин-старателей, незаконно добывавших золото на китайской территории в конце XIX в.